

ЗА СОЛНЕЧНЫМ ЛУЧОМ...

Он умер, подойдя к черте пятидесятилетия — высокий, широкоплечий, с мягкой застенчивой улыбкой на смугловатом чалдонистом лице. Рак окрутил его за месяц.

Листая «Грибной дождь» — один из трех сборников, вышедших уже после его смерти, — я не мог удержаться и перечитал все его книги.*

...Детское восприятие стихов во многом отличается от восприятия взрослого. Для самых маленьких поэзия существует где-то рядом с кубиками, скакалкой и другими атрибутами детских игр. Ребенок прекрасно воспримет стихотворение, если оно будет ритмично, звонко, весело. Как, например, такие строчки Александра Береснева:

Зашептало
Тесто:
«Мне в кастрюле
Тесно».

(«Пирог») —

Раз,
 два,
 три,
 четыре,
 пять.
Как морковку сосчитать?

.....

Вам не надо ли морковку
в огороде сосчитать?

— Нет. —

Ответил мне сосед.
Два Сережи и две Вали
В огороде побывали.
Счет вели без остановки.
Не осталось ни морковки.

(«Как морковку сосчитать»)

Помидор,
Помидор —
Огородный
«Светофор»

(«Огородный светофор»)

* «Снегурочка» — Кемерово, 1967, «Кузнечик-языкант» — Кемерово, 1971, «Солнышки» — Кемерово, 1972, «Как нарисовать гром?» — Новосибирск, 1980, «С кем бы поделиться?» — Кемерово, 1980, «Приходите в огород», — Новосибирск, 1986, «О чем поют скворцы» — Кемерово, 1988, «Как мы дожили корову» — Кемерово, 1989, «Грибной дождь» — Кемерово, 1991.

В свое время, «уходя в детвору, как некогда уходили в народ», Корней Чуковский вынес из этого путешествия свои знаменитые «13 заповедей для детских поэтов». В них он призывал учиться у детского фольклора, утверждал веселое, игровое, фантастическое начало в детской поэзии. Без упоминания об этих заповедях сейчас редко обходятся статьи о детской литературе. Эти заповеди верны, но, на мой взгляд, все-таки однобоки.

Ведь задачи детской поэзии не ограничиваются звукозаписью, фантастикой, игрой. Рядом с неудержимой тягой к сказочному, фантастическому в ребенке живет еще одна страсть — к рациональному, если можно так выразиться, осмыслению окружающего его мира. Во все времена детям хотелось узнать, почему у жирафа пятнистая шкура и длинная шея, что ест за завтраком слон, отчего поют скворцы.

Когда у Эйнштейна спросили, что помогло ему в создании теории относительности, он ответил, что с детства хотел узнать: что будет, если двигаться вслед за солнечным лучом?

Да, каким-то необъяснимым образом в детской душе прекрасно уживаются безудержный фантаст и величайший реалист. Соответственно, писателей, пишущих для детей, можно разделить на «фантастов» и «реалистов». В первом «лагере» — К. Чуковский, Д. Хармс, А. Введенский. Из ровесников Александра Береснева сюда можно отнести Людмилу Фадееву, чьи книжки, выпущенные Кемеровским книжным издательством, имели немалый успех. Ко второму «стану» принадлежат С. Маршак, Е. Благинина, В. Берестов. Из поэтического поколения, к которому принадлежит А. Береснев, здесь можно назвать Юрия Могутина.

Деление это достаточно условно, но иначе, мне кажется, трудно понять особенности творчества конкретного детского поэта.

Александр Береснев — безусловный «реалист». Даже в приведенных выше «игровых» стихах действие происходит не в какой-то условной, сказочной стране, место, которому «тесно» в кастрюле, — вполне реальное, земное тесто и употребляется оно по своему прямому назначению: «Из него без лишних слов // Напекли мы пирогов». Реален и «огородный светофор», и все без исключения предметы, которые присутствуют в стихах Береснева.

Но это реализм особого рода. Мир в изображении Береснева выглядит все-таки более ярким и нарядным, чем мы видим его из окна. Ведь детское мироощущение отличается необычайной интенсивностью и остротой.

Александр Береснев сохранил в себе счастливую способность смотреть на мир глазами ребенка, удивляться миру. В его стихах живет тот «свет первоначальной жизни» (выражение А. Платонова), который сумели сохранить в своей душе немногие из взрослых. Поэт прекрасно знает, что интересно детям. Давайте припомним свое детство. Нравилась ли нам прозея, которые считаются престижными? А вот прозея кокегара нравилась наверняка. Это ведь так интересно: гудящая топка, и ты швыряешь туда чер-

ный блестящий уголь. Самые простые вещи таили тогда в себе необъяснимое очарование — в общем, все было так, как в одном из стихотворений Александра Береснева:

Немало вещей
Накопилось в кладовке:
Напильник,
Паяльник,
Две старых ножовки.

Рубанок без ручки,
Педали от мопеда,
Разбитая фара —
подарок соседа.

Кружок изолянта,
Отвертка и клещи.
Какие хорошие,
Нужные вещи!

Вещи, действительно, замечательные; только взрослые, к сожалению, не понимают этого:

А мама не знает,
Ругается мама:
«Когда ты кладовку
Очистишь от хлама?»

(«Мама недовольна»)

Только что прошел дождь. Прохожие чертыхаются — грязь, лужи. А для ребятшек это праздник:

...Мы по лужам босиком
Побродить успели.

(«Успели»)

«Очень интересно!» — вырывается у автора в другом стихотворении, и этому веришь.

Порой интересы маленьких героев Александра Береснева приходят в противоречие с интересами тех, кто, по выражению Бориса Житкова, «приставлен к детям». Некоторые стихи А. Береснева могут показаться «антипедагогичными». Например, после счета морковки в огороде соседа, их число значительно уменьшается. Совершают ребята и другие проделки, но автор нисколько не осуждает их за это, а, похоже, откровенно сочувствует маленьким проказникам.

Это вообще очень любопытная тема: взаимоотношения детской литературы и педагогики. Между ними всегда шла глухая борьба.

«Детская книга имеет как бы две души — литературную и педагогическую», — рассуждал по этому поводу один из видных теоретиков детской литературы И. Разин.

В стихах Александра Береснева — одна душа. Ее главным отличительным признаком является то, что эта душа — живая.

Восприятие нормального ребенка всегда празднично. «Все дети... верят, что жизнь создана только для радости, для беспредельного счастья; и эта вера — одно из важнейших условий для их дальнейшего психологического роста. Их смех — лучшее доказательство, что они реалисты; смех — это результат их жиз-

ненного опыта и утверждения себя в этом опыте», — писал Корней Чуковский.

Стихи Береснева подтверждают, оформляют и расширяют этот светлый опыт. Они — веселы.

Но ведь детский юмор может быть весьма разным.

Нескладушки-неладушки,
Поросенком по макушке.
Поросенок жирный —
Поезд пассажирный!.. —

пишет, например, Людмила Фадеева в своей, действительно, очень веселой книжке «Дорогие люди». Юмор такого рода, основанный на веселых несурезицах, «великолепных нелепостях», для стихов А. Береснева — редкость. Смех его — мягкий, сдержанный, доверительный. Он как бы слегка упрятан в подтекст. Малышу нужно произвести некоторую работу мысли, чтобы уяснить, на что намекает автор. Зато, когда работа эта проделана, она вознаграждается сторицей. Малыш чувствует себя как бы соавтором поэта, юмор делается условным знаком, паролем, понятным (с точки зрения маленького читателя) далеко не для всех. И ребенку приятно, что он находится в числе этих «посвященных»:

Постоял
У помидора —
И не стало
Светофора

— так неожиданно заканчивается уже упоминавшееся стихотворение «Огородный светофор». Две-три секунды раздумий, — и малыш довольно улыбается: ясно, куда девался помидор!

Смотри, смотри, письмо с хвостом
Над нашей крышей вьется!

(«Письмо с хвостом»)

После небольшого размышления маленький читатель поймет, что письмо с хвостом — это воздушный змей. И рассмеется: действительно, похоже!

И от утренней
Росы
У бобов
Блестят усы.

(«Приходите в огород»)

Это ведь тоже смешно — бобы с усами. Но ведь у бобов и на самом деле есть усы. Чаще всего поэты достигают комического эффекта, овеществляя метафоры. В данном же случае сама действительность предстает перед нами метафоричной, образной.

Порой улыбка возникает в результате преодоления героями Береснева каких-то трудностей, опасностей — реальных или мнимых. Только что вокруг стояли «грохот, треск, огня сверканье», но вот умчались тучи, и показалось в небе ясное солнышко («Ненастье»). Как тут не улыбнуться?

Береснев не «душит серьезным» своего маленького читателя, но и не приплясывает перед ним, стараясь развлечь. Специально «юмористических» стихов у него — раз-два и обчелся, но все без исключения стихи

освещены изнутри улыбкой, излучающей «свет первоначальной жизни».

Ощущению света, теплоты немало способствует то, что автор умело владеет «словесной живописью». Иные детские поэты в своих стихах не скупаются на разнообразие эпитеты. А впечатление от стихов — серое, тусклое.

Видимо, в стихах вообще, а в детских особенно эпитеты не всегда нужны. Ведь уже в самом существительном заложен основополагающий признак предмета, вызывающий у нас определенные зрительные ассоциации. В строчках:

Сладкие да вкусные
Кочаны капустные

— не говорится про цвет капустных кочанов. Но разве не возникают они перед глазами — зеленовато-белые, хрустящие? (Этому способствует и щедрая инструментовка стихотворения на «с» и «т»).

Мальчик несет воду, и вдруг он увидел в каждом ведре «по солнышку» («Солнышки в ведерках»). Они не живописуются. И все-таки физически ощущаешь, что там, в ведрах, — что-то яркое, слепящее.

220 Так же, само собой ясно, что зайцы, прискакавшие зимой в огород, — белые («Кочаны»), а когда помидор сравнивается со светофором, то в этом «цветном» существительном уже даны все цвета, которые принимает помидор в течение лета и осени.

В этих стихах А. Береснев учится у детских рисунков. «Художники ахают перед детскими рисунками: гениально, потрясающе. А шельмецы знают: ему надо ухватить главное, а остальное — к главному пририсовать, — и то лишь для пользы этого главного» — говорил Борис Житков.

Вспомните «письмо с хвостом». Образ построен именно по этому принципу. Нарисовано главное — письмо, к нему приделан хвост — и воздушный змей готов.

...Сейчас мировоззрение всего человечества переживает глобальную перемену. Природа из противника, от которого «не надо ждать милостей», делается для нас союзником и добрым другом. Мы все внимательней приглядываемся к ней. И тема природы становится ведущей в произведениях самых различных жанров.

Александру Бересневу в этом отношении «повезло». Ему не пришлось перестраиваться на ходу, приспосабливаться к требованиям момента, как некоторым поэтам, которые из заядлых урбанистов прямо на глазах превратились в авторов пасторалей и эклог. Выросший в сибирском селе, он в своих стихах, начиная с самых ранних, пишет о том, что ему наиболее близко, знакомо и дорого.

Именно в этом, мне кажется, и лежат истоки его своеобразного реализма. Ведь природа, в отличие скажем, от стандартного городского двора, прекрасна сама по себе, и если писатель, изображая ее, не прибегает к гротеску, преувеличениям, стихи от этого могут только выиграть.

И нет ничего удивительного, что стихи А. Береснева звучат сегодня особенно свежо. Особенно удачными,

мне кажется, получились последние при его жизни книги — и три книжки, вышедшие уже посмертно в Кемеровском издательстве. Их объединяет сквозной образ маленького «лирического героя» (раньше Береснев писал иногда стихи и «от имени» взрослых, но теперь он окончательно встал на «детскую точку зрения»).

Герой А. Береснева не совершает экскурсий на природу — он живет среди природы, погружен в нее. Его окружают «загорелые до черноты» грачи («Весна пришла»), солнышки плещутся в его ведрах («Два солнышка»), как по морю, ходят волны по полю пшеницы («Ненастье»), он охотится за грибами:

Я заглядывал под кочки,
под березовые пни.
Ох, и хитрые грибочки!
Где же спрятались они?

Зря искал их под осиной
И под елью зря искал.
Видно, я большой корзиной
Все грибы перепугал.

Стихи Береснева — настоящая энциклопедия грибов. Об этом говорят уже сами их названия: «Свинушки», «Смешной гриб», «Подосиновик», «Опенки», «Сморчок», «Мухомор», «Дразнят рыжики», «Грибная маскировка», «Хитрые грибы» — этот список можно было бы продолжать.

Когда к маленькому грибку приходит удача, он делится своей добычей с... лесными зверюшками.

Я на пне, как на тарелке,
Так опята разделил:
Три гриба оставил белке,
Три в корзину положил.

Потому что ко всему на свете он ощущает соучастие и жалость. Мальчик оставляет в огороде «четыре кочана, чтобы было чем полакомиться забредающим сюда зайцам: он откармливает пшеном хилого цыпленка; и даже огородное чучело, мокнущее под дождем, вызывает его сочувствие:

Нелегко в ненастье
Грядки сторожить...
Где бы мне для чучела
Зонтик раздобыть?

(«Чучело»)

Это, конечно, шутка, но — шутка мягкая, добрая.

Наиболее активно детская доброта проявляется в стихотворении, давшем название одной из книг — «Шесть песенок». Мальчик, вооруженный хворостиной, храняет от воронов, коршунов и кошек гнездо, где опошатаются беспомощные птенцы:

Я охраняю бдительно
С утра до темноты
Шесть песенок, которые
Услышишь скоро ты.

Заметьте: охраняет он не просто птенцов, а «шесть песенок». Эта метонимия как нельзя лучше передает

динамику развития, роста. Здесь в настоящем реально присутствует будущее.

Очень точно подмечена А. Бересневым характернейшая черта психологии детей: они жаждут поскорей вырасти или, по крайней мере, выглядеть старше своих лет. Малыш посадил березку и каждый день, поливая ее водой, сверяется; кто же из них выше ростом?

Осенью померялись
Мы с ней.
Оказалось,
Я расту быстрее.
Но сказала бабушка:
«Шалишь!
Ты зачем
На цыпочках стоишь?»

(«Кто растет быстрее?»)

А для чего дети стремятся поскорей повзрослеть? Конечно же, для того, чтобы принять участие в настоящей, созидательной взрослой жизни!

Погруженный в мир природы, герой А. Береснева находится одновременно в системе социальных связей **221**и отношений. Этот «социум» пока еще очень мал и несложен, но он — настоящий, и ребенок занимает в нем свое определенное место с вытекающими из этого обязанностями, в первую очередь — трудовыми.

Тема труда — не такая уж популярная в детской поэзии.

Некоторыми детскими поэтами труд изображается как некая нескончаемая игра; другие на полном серьезе начинают объяснять малышу устройство фрезерного станка. Чувство меры помогает А. Бересневу избежать этих крайностей. Его маленький герой ходит по воду, носит обед своему отцу, работающему в поле; он вместе с бабушкой увлеченно катает тесто и кричит своим друзьям:

«Заходите, не стесняйтесь,
Пирогоми угостим.
Сами приходите
И друзей ведите!»

Дела реальные, серьезные, мальчик трудится не понарошку. И в то же время — это очень интересные дела! Труд в изображении А. Береснева делается самым увлекательным занятием на свете:

Искупался,
А потом
накормил цыплят
Пшеном.

С хворостиною
В руке
Проводил гусей
К реке

И полил, ведром звеня,
Огурцы на грядке.
Вот такую утром я
Делаю зарядку!

(«Зарядка»)

Так ребенок на всю жизнь заряжается самым необходимым для себя.

...Я находился на палубе парохода, плившего по Томи, и наблюдал за юной городской мамой, беседующей со своим маленьким сыном.

— Что это? — спросил ребенок, указывая на кружащую над водой птицу.

— Чайка! — уверенно объяснила мама.

Это была ворона.

Такие мамы сейчас не редкость. Поэтому я считаю, что, хотя героем стихов А. Береснева является деревенский мальчик, они интересны и полезны прежде всего городским ребятам, составляющим сейчас абсолютное большинство нашей детворы. Ведь для них это увлекательное путешествие в совсем неведомую страну, где можно походить с косой по лугу, подоить настоящую корову, где часто льет теплый и щедрый грибной дождь.

